

Гендер и квир: повит organum российской социальной психологии, или «приличные» термины для «неприличного» предмета

Д.В. ВОРОНЦОВ

*кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии
Южного федерального университета*

В статье показано, что несмотря на активное развитие в российской социальной психологии гендерных исследований и появление квир-исследований, они остаются методологически противоречивыми и производят эмпирически двусмысленные результаты, имеющие преимущественно узкоутилитарное значение. Продемонстрировано, что до сегодняшнего дня в современном социальном знании не осмыслен парадигмальный разрыв между парами понятий «пол» и «гендер», «гендер» и «квир», «квир» и ЛГБТ. В статье описываются теоретические и социетальные причины стагнации российских гендерных и квир-исследований: слабое знание эпистемологических оснований и истории использования этих терминов в научном дискурсе; апологетическая функция социальных исследований и неразвитость публичной социологии; ориентация на идеологию консерватизма и социально-политический изоляционизм сегодняшней российской власти. Подчеркивается необходимость самоопределения гендерных и квир-исследований в отечественной социальной психологии по отношению к академическому феминизму и политическому активизму, а также ставится вопрос о роли методологии в появлении российской публичной социальной психологии, способной оказывать влияние на прогрессивное развитие общества и личности.

Ключевые слова: *пол, гендер, квир, сексуальность, публичная социология, гендерные исследования, квир-исследования.*

Когда на дискуссионную повестку дня выносишь вопрос о содержании и смысле понятия «гендер», то ощущаешь себя человеком, изобретающим велосипед или сражающимся с ветряными мельницами. Хотя, если судить по реальной практике использования этого слова в отечественных социально-психологических работах, вопрос о значении англосаксонского термина с полувековой историей, к сожалению, не потерял актуальности. Более чем двадцатилетняя история употребления термина «гендер» и

развитие всяческих «гендерных исследований» в различных областях социально-гуманитарного знания во всем его спектре, охватывающем и биологически ориентированную (а не только социальную) психологию [см. 6], в русскоязычном научном дискурсе так и не привели к внятному и методологически отчетливо артикулированному пониманию этой важной и, по выражению Дж. Скотт [8], «полезной» аналитической категории. В психологическом сообществе далеко не все готовы признавать за словом «ген-

дер» статус научной психологической категории, низводя его роль в психологии до понятия или даже простого термина. Ведь категория отражает универсальный способ отношения человека к миру и охватывает наиболее общие и существенные свойства предмета, придает человеческому опыту форму, организует его элементы. В случае же с гендером психолог затрагивает сферу частных вещей, телесного «низа», для которого в русском языке трудно подобрать точное приличествующее обозначение, чтобы коллегам по научному цеху было понятно, что говорится вообще не про «это» (т.е. не про секс, сексуальность и сексуальные отношения, и не про биологические функции и различия) и не про биологически различные тела, помещенные в социальное пространство, чья анатомия безусловно становится их социальной судьбой. Неловко признавать, что этот «низ», если понимать его, прежде всего, в биологическом смысле, обладает неким качеством универсального отношения и составляет одну из основ социальных процессов и явлений. А если неловко, тогда гендер в лучшем случае оказывается всего лишь заимствованным из англосаксонской лингвистики «приличным» понятием, наделенным социальным значением, формой обобщения по специфическому признаку: генитальному, поведенческому, статусно-ролевому и т.п., а в худшем — просто термином, используемым для точного обозначения отдельного стратификационного критерия, элемента более широкого класса социальных явлений.

Бесчисленное множество самых разных и нередко противоречивых определений гендера, встречающихся в научной и учебной литературе, способно за-

путать не только студентов, которые после штудирования череды грубых и тонких различий научных дефиниций пола и гендера нередко оказываются способны запомнить лишь то, что «гендер — это социальный пол», и усвоить, что сложное явление, которое в биологических науках называют полом, в социально-гуманитарном знании называется гендером потому, что речь идет о его (пола) социальных и культурных аспектах. Получается, вроде бы для того по-разному и назвали две стороны одной медали, чтобы не путались предметы исследования и сферы подготовки ученых: «фокусируешь внимание на биологических аспектах — иди налево, на социальных аспектах того же самого — направо». Методологическая каша в русскоязычных гендерных студиях заводит в тупик. Гендерные исследования — это а) про мужчин и про женщин как социальных агентах, участниках социального взаимодействия; б) про систему отношений между представителями разных полов (межличностных, межгрупповых и шире — социальных, образующих определенный порядок); про абстрактные социально-психологические характеристики, рассматриваемые исключительно в качестве социальных представлений или социокультурных схем маскулинности и фемининности; про различия между психологическими свойствами и состояниями у мужчин и женщин (хорошо еще, если эти различия трактуются как социально обусловленные хотя бы в каком-то приближении, а не исключительно природные); про социальный смысл существования биологических полов; про сексуальность.

Некоторые ученые даже приходят к весьма сомнительным с этической точки

зрения утверждениям, что заимствование слова «гендер» связано, по большей части, с «продажностью» обнищавшей в начале 1990-х русскоязычной науки [1]. Дескать, пришедшая на постсоветское пространство с Запада система грантовой поддержки исследователей диктовала свои условия: нужно было реагировать на задаваемый западными фондами спрос, который влиял как на выбор тем, так и на научный язык. При таких обстоятельствах начал расцветать декоративный «гендер», который никак не был связан с освоением и адекватным пониманием (новых для нас в 1990-е гг.) идей и концепций, сформировавшихся «за железным занавесом» более 50 лет назад. Грантовая система действительно оказала сильнейшее влияние на процесс становления и институционализации гендерных исследований на пост-советском пространстве. К сожалению, для науки бывшего СССР это влияние оказалось не только положительным. Ученые начали писать статьи на привычные темы, делая акцент на том, что казалось им «гендерным измерением» какого угодно материала, но не применяли теорий, с которыми было связано появление нового порядка научного осмысления пола и сексуальности в социальном контексте. В результате возникли научная практика и дискурс, в которых принципиальные различия между понятиями «гендер» и «пол» так и остались не вполне осознанными. Или же осознанными не вполне так, как это было задумано.

Следует признать, что русскоязычная наука даже в лице тех, кто не просто зарабатывал на модном слове, а действительно старался приобщиться к новым идеям, усваивала и осваивала новое слово «порционно» и весьма хаотично, зача-

стую не имея никакого представления о культурных и эпистемологических основаниях терминологических сдвигов. Вследствие этого термин «гендер», даже если им пользовались отнюдь не в связи с «декоративными» функциями, так и не повторил у нас судьбу категории, которая, совершив парадигмальный переворот в англоязычном научном дискурсе, превратилась, следуя марксовому призыву, в инструмент осознанного, научно обоснованного социального действия по изменению социальной действительности, а не только ее объяснению. Другими словами, на Западе категория «гендер» стала своего рода «*novum organum*» постклассической социологии и всех наук, с ней связанных, а в русскоязычных социальных науках — нет. С.А. Ушакин усматривает причину такой судьбы категории «гендер» в том, что описательные категории и формы концептуализации социальной реальности вообще следует производить, опираясь только на родной язык, поскольку заимствованные термины «нивелируют местную специфику», подгоняя ее под иное видение [10]. Дескать, попробуйте адекватно описать на английском языке феномены «беспреддела», «крышевания» и т.п. В ответ на такое предположение сразу напрашиваются контраргументы: а) разве язык не накладывает ограничения на социальное восприятие мира, на его понимание, отчего всегда есть необходимость «калибровки» этого инструмента; б) разве язык не должен развиваться в процессе взаимодействия с другими языками, заимствуя вместе со словами не только способы восприятия, но и модусы конструирования реальности? Можно ли рассматривать гендер в качестве особого социокультурного феномена лишь англо-

язычной части Западного мира? Может быть, английский язык просто помог быстрее обнаружить некий социальный механизм, который действует в любом обществе, но оказывается существующим латентно в силу языковых ограничений?

Следуя за культурно-антропологической логикой, можно вообще поставить под сомнение всю отечественную науку: является ли она составной частью, или аналогом, или всего лишь имитацией «модерновой» версии науки западного мира? Ведь от этого зависит ответ на вопрос: нужно ли унифицировать научный язык или следует создавать свой? По-видимому, проблема заключается все-таки не в культурно-языковых нестыковках, а в модусе функционирования социально-гуманитарного знания в России, присущем ему только лишь в силу определенных обстоятельств.

Само появление в первой трети XIX в. особой формы знания об обществе, основанной на доказательности и эмпирической обоснованности, было связано с желанием оптимально обустроить пространство отношений между людьми в условиях кардинальных изменений, сопутствовавших становлению нового типа социальной организации. Социология с самого момента своего зарождения в статусе самостоятельной науки функционирует с претензией усовершенствовать среду обитания человека, познавая общество с помощью создаваемых аналитических категорий. Этот импульс критического взгляда на социальную реальность всегда старались держать под контролем: как только в складывающейся новой социальной структуре возникала очередная когорта обладающих властным ресурсом приобретателей выгоды от переконфигурации социального нера-

венства, критический потенциал социального знания тут же начинал уравниваться тенденцией к апологетике существующего порядка с целью его консервации. Развивая мысль М. Буравого о тенденции к нормативизации социального знания, можно сказать, что «первоначальная страсть к общественной справедливости, экономическому равенству, правам человека, устойчивой окружающей среде, политической свободе или просто к лучшему миропорядку» [3, с. 10] при определенных обстоятельствах оформляется в более приземленные цели извлечения различных выгод из ситуации социального неравенства. В этом случае инновационные категории социального знания, появляющиеся с целью обоснованной и прогнозируемой трансформации общественной несправедливости и несвободы, превращаются в «полезные» аналитические категории, не изменяющие, а только лишь объясняющие несправедливый и несвободный мир.

Импорт в социальное знание лингвистической категории грамматического рода в английском языке был связан с кардинальным изменением взгляда на социальное бытие личности, имеющей определенный пол и конкретные сексуальные практики. При этом изменение «научной оптики» посредством придания нового смысла понятию из другой научной области имело следствием переустройство наличного социального порядка, исправление присущих ему элементов несправедливости и неравенства, которые до этого оказывались скрытыми для познающих субъектов.

Но прежде чем рассуждать о революционном значении категории «гендер» в социальном знании, необходимо отчет-

ливо представлять себе историю ее появления в качестве социальной категории. А история эта в русскоязычных статьях и книгах описывается весьма запутанно: все зависит от того, какой именно оригинальный источник в произвольном порядке полагается тем или иным автором в качестве референтного. Одни в качестве отправной исторической точки введения категории «гендер» в социальные науки полагают Р. Столлера [16], другие — Дж. Мани [14]. Вспоминая историю понятий «психология» и «социология», можно было бы полагать, что история категории «гендер» также не избежала подобных перипетий. В 1590 г. Р. Гоклениус предложил слово «психология» для обозначения новой отрасли знания, однако, общераспространенным оно стало после работ Х. Вольфа, написанных в 1732—1734 гг. Слово «социология» в качестве обозначения новой отрасли знания впервые было использовано в рукописях аббата Э.Ж. де Сийеса, относящихся к 1773—1799 гг., тогда как современное значение этого слова связано с работами философа О. Конта, написанными на полстолетие позднее. Но можно ли утверждать, что сходная историческая судьба постигла и категорию «гендер»? На этот счет имеются некоторые сомнения.

Как «гендер» оказался категорией социального знания?

До середины XX в. сфера гендерных и сексуальных отношений в полной мере описывалась термином «пол», который охватывал очень широкое поле значений.

1. Определенное анатомическое строение и физиологическая организация

индивида, связанная с выполнением репродуктивных функций.

2. Набор личностных характеристик и поведенческих моделей, якобы существенно связанных с физиологическим функционированием и анатомическим строением человеческих тел.

3. Социальные отношения, выстраивающиеся с учетом анатомо-физиологических различий.

4. Удовлетворение разнообразных потребностей (биологических, психологических и социальных) посредством репродуктивной системы, а также способы и формы получения удовольствия, связанного с использованием репродуктивных органов (т.е. сексуальные практики).

Именно в такой универалистской парадигме сформировались широко употребляемые и по настоящее время понятия о биологическом, психологическом и социальном поле, а также понятие о сексуальности, объединяющее эти три половые ипостаси. В этой парадигме сформировались две основные интерпретации термина «пол», согласно которым определяется и спектр рассмотрения социальных и психологических различий мужчин и женщин в классической науке: биологическая концепция (З. Фрейд) и структурно-ролевая концепция пола (Т. Парсонс, М. Мид). В обеих концепциях пол в психологическом и социальном аспектах полагается производным или зависимым от анатомии и физиологии. Все три аспекта рассматриваются в качестве сквозных и линейно детерминированных, поскольку человек в любом случае якобы *осознает* свои биологически заданные пол и сексуальность в результате включения в какие-то социальные практики и отношения. Психологический и социальный

пол здесь не более чем символическая проекция биологического основания, **отраженная** в индивидуальном или коллективном сознании. В парсоновской трактовке социальный пол не может и не должен быть калькой пола биологического, поскольку эти две ипостаси связаны лишь функционально. Поэтому человек может совершать неправильные, нефункциональные выборы, нарушая устойчивые иерархии и требуя перераспределения ограниченных социальных ресурсов. Однако это считается нарушением «природного» функционального порядка вещей, что приводит к расточительности в трате ограниченных ресурсов и социальным проблемам. Это требует эффективного социального контроля над сексуальностью и полом и, соответственно, научного объяснения и обоснования необходимости такого контроля.

Гегемония такой парадигмы пошатнулась в середине XX столетия. В отечественном же социальном знании термин «пол» в своем широком значении оставался единственным и достаточным вплоть до 1990-х гг. Не секрет, что социальное знание с конца 1920-х гг. выполняло в СССР преимущественно апологетическую функцию, а критическое осмысление слабых мест имеющегося категориального аппарата не было востребовано ни академической, ни внеакадемической аудиторией. В такой ситуации советское социальное знание оказалось чрезвычайно восприимчивым к социальным идеям, сформулированным в консервативный период развития мировой (преимущественно американской) социологии 1930–1950-х гг, в который были созданы классические социальные теории пола, акцентировавшие внимание на процессах социализации и наделяния

пола как биологического феномена культурно-символическими функциями. Эти теории не ставили под сомнение, казалось, очевидный факт того, что культурно-символические, социальные функции пола возникают на основе биологической предрасположенности, имеющей фундаментальное значение в объяснении социальных и психологических различий между мужчинами и женщинами.

С развитием биологических знаний о половом диморфизме наряду с усложнением представлений о социополовой дифференциации при наличии такого важного элемента процесса разделения социологического труда, как критическая социология, в классической концепции пола возникло радикальное сомнение в биологической фундированности пола во всех его проявлениях на личностном и социальном уровнях. Первые сомнения, однако, появились не в социологии, а в психологии, в которой к 1930-м гг. сформировалось представление о «психологическом» поле как «посреднике» между биологической организацией индивида и реализуемыми им социальными функциями, связанными в социальных представлениях с тем или иным биологическим полом. Эти сомнения, как хорошо известно, возникли при изучении феноменов транссексуальности и гермафродитизма.

Когда речь заходит о введении термина «гендер» в оборот языка социальных наук, в отечественных текстах часто упоминают американского психоаналитика Р. Столлера. Однако первым ученым, терминологически разделившим феномен биологического пола и его социальные проявления, был американский сексолог Дж. Мани, который на десяток лет

раньше своего соотечественника Р. Столлера — в 1955 г. — предложил использовать грамматическую категорию «гендер» для обозначения проявляемых в поведении мужских и женских социальных характеристик (мужских и женских социальных ролей) [14]. С помощью лингвистической категории грамматического рода в английском языке (в котором грамматический род определяется контекстом предложения, описывающего характер процесса и условия выполнения субъектом действий, а не структурой самого слова, не субстанциально) Дж. Мани хотел избежать смысловой путаницы при описании взаимодействия элементов многоуровневой структуры пола, проявляющегося в поведении транссексуалов, например, когда врачу приходилось писать о том, что некий пациент Джон реализует в общении мужскую *половую роль*, в то время как его *половые органы* отнюдь не являются мужскими, а *генетический пол* является скорее всего женским. По мнению Дж. Мани, для наведения смыслового порядка значение термина «пол» следовало ограничить репродуктивной функцией организма, тогда как термин «гендер» должен описывать **весь комплекс половых характеристик, включенных в систему социальных отношений**: начиная от атрибуции половой принадлежности на основе комплекса признаков, в том числе гениталий и соматических характеристик, заканчивая психологическими и социальными характеристиками, проявляющимися в общении [15]. Основанием для такого широкого значения нового термина для Дж. Мани служило то обстоятельство, что пол вне своей репродуктивной функции всегда и во всех своих ипостасях (от

соматической до поведенческой) выступает продуктом социального восприятия и социальной категоризации. Это означает, что вне репродуктивной функции пол для людей существует только в виде условной системы объяснений (интерпретаций) на основе сложившихся социокультурных схем. Вслед за Дж. Мани такое значение термина «гендер» (**любые социальные проявления пола, не связанные с репродуктивной активностью**) вошло в социальную психологию через тексты С. Кесслер и У. Маккенны [12]. Эти авторы постулировали тезис о том, что гендер не представляет собой никакого отражения биологического пола, а является исключительно социальным конструктом, возникающим в социальном общении и затрагивающим все не имеющие репродуктивной функции соматические, личностные и социальные характеристики, связываемые с полом.

Р. Столлер, напротив, сузил содержание введенного Дж. Мани термина «гендер» до комплекса представлений о содержании маскулинности и фемининности [16]. Кроме того, он вывел за рамки психологии поставленный С. Кесслер и У. Маккеной вопрос о социальных основаниях и механизмах, по которым такие представления возникают. В таком виде — как система представлений о маскулинности и фемининности — столлеровский вариант значения термина «гендер» начал широко распространяться в академическом феминизме и через него — в социологии. В этом же значении он был преимущественно усвоен и российской социальной психологией.

Но в интерпретации Р. Столлера гендер вполне мог быть встроен как в привычную эссенциалистскую объяснительную схему возникновения представле-

ний на основе восприятия предзаданных биологических оснований, так и в социально-конструктивистскую парадигму. Столлеровская трактовка термина могла устроить всех, поскольку оказалась методологически двусмысленной, но эмпирически конкретной. Трактовать полученные данные как относящиеся к гендеру можно было в обеих парадигмах. При этом у социальных наук появился собственный термин для обозначения пола и сексуальности, позволяющий устанавливать более точные предметные границы и включаться в обсуждение «неудобных» исследовательских тем, относимых ранее к биологической или медицинской проблематике в силу использования слова «пол» и его производных, но все-таки находящихся в предметной области социальных наук, затрагивающих систему социальных и межличностных отношений.

Редукция содержания термина «гендер», осуществленная Р. Столлером с целью наполнения этого термина конкретными эмпирическими фактами, в конечном итоге, сыграла злую шутку с инновационной идеей о том, что гендерные отношения и формы проявления сексуальности, прежде всего, задаются действующим социальным порядком и символической регуляцией, а не биологическими детерминантами. Если изначально понятие гендера вводилось с целью показать, что социальные по своему происхождению различия ошибочно интерпретируются как природные, привязываются к ним посредством сложившихся норм и дискурсивных практик («гендерных линз», о которых пишет С. Бем), то со временем оно стало использоваться и в совершенно противоположных целях [более подробно об этом см.: 4]. Вместо

разрушения укоренившегося смысла слова «пол» и деконструкции связанных с этим смыслов социального порядка социальная категория «гендер» в классической парадигме приобрела, как отмечает Дж. Скотт, «вкус обществоведческой нейтральности» [цит. по: 9, с. 195]. С одной стороны, пол, а с другой — гендер как социальная «надстройка» над ним. И никакой инновации, которая бы приводила к мысли о необходимости революционной переконфигурации социального неравенства на основе полового критерия.

В российских социально-политических условиях именно эта версия категории «гендер», по-видимому, пришлась «ко двору» в силу неразвитости публичной функции социального знания. Эта функция состоит в вовлечении людей в критический диалог о происходящем в обществе, побуждении к размышлению о скрытых основаниях и условиях их жизни. По мнению М. Буравого, в России публичная социология (а социальная психология является ее составной частью), возможно, имеет и еще одну первоочередную специфическую задачу, которая заключается в формировании ответственности (публики) через превращение научных проблем и аналитических категорий в общественные, через демистификацию социальных структур неравенства и господства, ограничивающих возможности личностной самореализации [3, с. 170]. Ведь пока нет подготовленной аудитории, у социальных наук нет и публичной функции. При этом категория «гендер», увязывая в порочном круге бесконечных и устоявшихся редукций и характеризующаяся весьма сомнительным и двусмысленным значением «гендер — это социальный пол», ме-

шает создать эту самую критически мыслящую аудиторию. Однако в тот самый момент, когда категория гендера была открыта российской социологией и вслед за ней социальной психологией, в англоязычном социокультурном дискурсе уже появился еще один инновационный термин — «квир» («queer»).

Гендер vs. пол, квир vs. гендер

Как и гендер, квир не избежал участи быть ассимилированным классической парадигмой, лишившись при этом значительной части своего инновационного потенциала. Термин «квир» часто понимают как «зонтичный» термин для обозначения сообществ лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (ЛГБТ). Для такого понимания, казалось бы, имеются вполне веские лингвокультурные основания. Квир (queer) в английском языке — это очень «неприличное» слово, которое в одном из своих наиболее распространенных в современном дискурсе значений можно было бы вполне адекватно перевести как «педик» (в наиболее «мягком» варианте перевода этого слова на русский язык). Это откровенно оскорбительное и агрессивное, ругательное (гетеросексистское) именование представителей всех гомосексуальных сообществ (т.е. ЛГБТ). Но почему те, кто использует этот термин в качестве «зонтичного» для обозначения ЛГБТ-сообществ, не задумываются над тем, по каким причинам слово из обценного лексикона вдруг оказалось академическим? Когда российская Государственная дума вводит запрет на любое публичное употребление обценной лексики, невольно начинаешь задумываться, что такое регули-

рование неизбежно может сказаться и на функционировании науки. Вот только в лучшую или в худшую сторону? Судя по истории с академизацией термина «квир», это серьезный вопрос. В современных политических условиях в России уж точно нельзя будет воспользоваться рекомендацией по максимальному использованию привычного родного языка в науке. И никаких инноваций социальное знание никогда не произведет, если оно будет вынуждено публично пользоваться исключительно нормативным языком, который конструирует наше социальное бытие. Ведь инновация — это, по определению, выход за пределы привычной нормы.

Появление у ругательного, «нецензурного» слова «квир» научного значения реализует ту же инновационную задачу, которую осуществило введение Дж. Мани лингвистической категории «гендер» в социально-гуманитарное знание на полстолетия раньше. Термин «квир», введенный в социальное знание Т. де Лауретис для обозначения широкого спектра явлений, не вписывающихся в нормативный социальный порядок [13], оказался важным приобретением, способным разрешить внутренние противоречия, связанные со смешением в гендерных исследованиях проблематики социальной регуляции мужского и женского и проблематики социальной регуляции сексуального желания (собственно сексуальности) [более подробно об истории и эпистемологическом значении категории «квир» см.: 5].

Сексуальность так же, как и гендер, имеет разную символическую интерпретацию в разных социальных системах. В ней также нет универсально однозначных механизмов общественного функ-

ционирования. В разных обществах, в разных социальных пространствах и в разное время сексуальность различным образом вплетается в социальную структуру, создавая множество конфигураций неравенства и моделей социального (сексуального) поведения. Эта особенность сексуальности как стратификационной категории также ставит под сомнение единство социальной идентичности «Мы», как это делает гендер, на пересечении с другими базовыми измерениями социального неравенства. Концепт «квир» бросает вызов самой идее социальной идентичности и проблематизирует единство гендерной идентичности, полагая и сам гендер внутренне иерархичным и подверженным тенденциям нормативизации. Это, собственно, и дает возможность пользоваться концептом гендера в качестве не только инструмента борьбы с социальным неравенством, но и инструмента установления и поддержания такого неравенства через маргинализацию ненормативной сексуальности. Другими словами, без категории «квир» «гендер» вполне себе может быть дискриминационным научным инструментом, позволяющим бороться с социальным неравенством в сфере отношений мужчин и женщин, но оправдывающим социальное неравенство в сфере гендеризованной сексуальности, помещенной в «прокрустово ложе» социальных идентичностей. Квир выступает своего рода противовесом, мешающим использовать гендер для воспроизводства неравенства по сексуальному основанию. А квир-исследования — это не просто совокупность исследований различных форм и проявлений сексуальности, которые находятся за пределами «нормальных» сексуальных отношений, ос-

нованных на гендерной дихотомии и репродуктивной функции (гомосексуальность, промискуитет, садомазохистские практики, трансгендерность и т.д.), это исследования социальных механизмов установления и функционирования модели бинарной нормативности, которые наиболее отчетливо проявляются в сфере сексуальности, являющейся социальным, а не биологическим феноменом. Сексуальность, как и пол, имеет в разных культурах и обществах разную символическую интерпретацию и разную социальную регуляцию. Как и гендер, она не имеет универсальных социальных форм и тенденций их социально-исторического развития. Нет одинаковых во всех обществах и культурах проявлений мужского доминирования, нет одинаковых проявлений гомо- и гетеросексуальности (как может и не быть такой дихотомии вовсе). Квир-анализ взрывает понятие социально-исторической темпоральности не только по отношению к сексуальности. Он деконструирует нашу убежденность в том, что будущее человечества, социальное развитие связаны только с репродуктивностью в сексуальном смысле — убежденность, на которой основываются все классические социологические теории. Тогда любые попытки проанализировать общество с альтернативной, нерепродуктивной позиции, неизбежно будут «квир».

Гендер и квир как *novum organum* публичного социального знания

Взятые вместе, категории «гендер» и «квир» могут быть весьма эффективным средством прогрессивного изменения социального порядка на научной основе,

в том числе, с помощью социальной психологии. Это как раз можно наблюдать в постиндустриальных обществах, в которых социальная психология играет не последнюю роль в формировании политики гендерного равенства и гендерной толерантности, борьбе с дискриминацией по основанию сексуальной ориентации и гендерной идентичности — СОГИ. Прогрессистское применение научных категорий как средства социального обустройства определяется раскрытием социальных механизмов регуляции и нормативизации как мужского и женского в личности человека, так и сексуального желания. Гендер и сексуальность на сегодняшний день рассматриваются в качестве базовых составляющих социального неравенства наряду с расой (включая этнос), возрастом и классовой принадлежностью. В любой социальной системе бытие в качестве мужчины или женщины, имеющим или имеющей те или иные сексуальные практики, всегда означает занятие определенной позиции в системе отношений на вертикальном (статусное неравенство) и горизонтальном (социальная дистанция и социальный капитал) уровнях.

Но из чего проистекает социальное неравенство людей разного пола и разных сексуальных предпочтений? Возможно и, вообще, допустимо ли социальное равенство людей в этой сфере отношений? Распространяется ли концепция прав человека, понятие общественной справедливости на группы, не вписывающиеся в нормативный социальный порядок, дестабилизирующие его и подрывающие его ценностные основания? Эти вопросы сегодня имеют не столько академическое, сколько общественное, публичное значение в свете дискуссий о ре-

абилитации «традиционных» российских ценностей, сохранении «специфичности» российского общества в глобализирующемся социальном контексте. В полном соответствии с фукодианской концепцией социально-исторической политемпоральности в российском обществе одновременно сосуществуют (отнюдь не мирно, а конфронтационно — из-за откровенно протекционистской позиции государства, которое демонстративно поддерживает только одну точку зрения, преследуя собственные классово-бюрократические интересы, а отнюдь не интересы общества) традиционалистская идеология неопатриархата, основанная на религиозных постулатах, и либеральная секулярная идеология гендерного равенства, подрывающая основы традиционного гендерного порядка и потому объявляемая судом «экстремистской», «небезопасной» и «подрывающей устои российской государственности» [7]. Так, например, было на процессе по делу о панк-молебне группы «Pussy Riot», на котором судья М. Серова вынесла такое определение феминизму как движению за равноправие мужчин и женщин, хотя и не являющемуся преступлением, но несовместимому с государственно значимыми социальными сферами. Сходные тенденции отмечаются и в отношении сексуальности, которая в полном соответствии с концепцией власти М. Фуко политизируется и занимает центральное место в современных политических войнах под видом борьбы с культурной гегемонией Запада, находя отражение в Российском законодательстве, например, в виде статьи 6.13.1. «Пропаганда гомосексуализма среди несовершеннолетних» Кодекса административных правонарушений РФ, а также

в нагнетании публичной истерии вокруг легализации однополых браков, педофилии, сексуального образования школьников и т.п.

Могут ли гендерные исследования и исследования сексуальности в виде квир-исследований в таком социальном контексте находиться в стороне от политических перипетий, захватывающих наше общество? Для социальных наук здесь возникают вопросы об общественных предпосылках наблюдаемой сегодня гендерной политики, политических взглядов граждан, их системы представлений. А со стороны общества к социальным наукам, соответственно, возникает запрос относительно обоснования и обоснованности такой политики, о ее психологических последствиях. Однако гендерные исследования в России упорно продолжают оставаться преимущественно академическими или прикладными, не приобретая качества публичного или хотя бы критического знания. Политических и публичных приложений гендерных исследований у нас, как справедливо отмечает С.А. Ушакин, не появилось за все время их существования [10]. Социологические (в том числе и социально-психологические) гендерные исследования в России сегодня преимущественно концентрируются вокруг: а) прикладных экономических задач (по сути это исследования потребительского поведения в самых разных ипостасях — от образов мужественности и женственности в рекламе, сериалах, спорте до мотивов представления себя Другому в потребительском обществе спектакля); б) исследований гендерных репрезентаций и социальных представлений, общественного мнения о том, какими должны быть, или какими являются, или какими

воспринимаются мужчины и женщины. Эти исследования в большинстве своем имеют инструментальное — в смысле аналитических инструментов для преимущественно рыночных механизмов — значение, но утрачивают рефлексивное, ценностно-смысловое значение регуляторов социального поведения и социального развития. Квир-исследования в российской науке находятся еще в неразвитом состоянии, тогда как в западной научной мысли уже идут размышления не только о постгендерном, но и постквир развитии социального знания [11].

Гендерные и квир-исследования — это откровенно публичное социальное знание, которое касается моделей и практик повседневного поведения, основывающихся на представлениях о мужском и женском, о сексуальности. Из этого очевидно, что любой ученый, вступающий или уже вступивший на стезю гендерных или квир-исследований, должен, прежде всего, определиться в том, будут ли аналитические категории гендера и квир использоваться в их первоначальном смысле научных инструментов рационального переобустройства социального мира. И тогда это должны быть гендерные и квир-исследования, основанные на теоретико-методологических основаниях академического феминизма. По-видимому, только в этом качестве производимое отечественными учеными знание будет вписываться в глобальную доминирующую научную парадигму, в которой гендерные исследования тесно ассоциированы с феминизмом, а квир-исследования — с ЛГБТ-активизмом (при этом, кстати, совершенно не обязательно быть этим самым активистом в политическом смысле или являться представителем ЛГБТ-сообщества).

ства в аспекте социальных практик). Либо же мы будем производить маргинальное знание для внутреннего употребления в рамках традиционного идеального в веберовском смысле типа общества. Но в последнем случае категории социального познания никогда не станут *public organum*, даже если в России и разовьется влиятельная публичная социология и социальная психология.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов К.А., Панченко А.А. GENDER как ГЕНДЕР (вместо предисловия) // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции. СПб., 2001.
2. Буравой М. За публичную социологию // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность. М., 2008.
3. Буравой М. Приживется ли «публичная социология» в России? // Лабораториум. 2009. № 1.
4. Воронцов Д.В. Гендерные исследования в социальной психологии: границы поля // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 2.
5. Воронцов Д.В. Квир-теория: перспективы психологического анализа сексуальности // Вопросы психологии. 2012. № 2.
6. Клёцкина И.С. Развитие гендерных исследований в психологии // Общественные науки и современность. 2002. № 3.
7. Костюченко Е. Мойте руки после суда. Репортаж с очередного исторического процесса // Новая газета. 2012. 20 августа. Вып. 93.
8. Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия. Харьков; СПб., 2001.
9. Ушакин С.А. Человек рода он: футляры мужественности // Поле пола / С.А. Ушакин. Вильнюс; М., 2007.
10. Ушакин С.А. До и после гендера. Интервью координатору проекта «Гендерная демократия» фонда имени Генриха Бёлля Ирине Костериной 21 июня 2012 [Электронный ресурс] // Полит.ру. Интернет-портал. URL: <http://polit.ru/article/2012/06/21/ushakin/> (дата обращения 15.03.2013).
11. After Sex? On writing since queer theory / J. Halley, A. Parker (eds.). Durham; L., 2011.
12. Kessler S.J., McKenna W. Gender. An Ethnomethodological Approach. Chicago; L., 1978.
13. Lauretis T., de. «Habit Changes» // Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies, 1994. Vol. 6.
14. Money J. Linguistic resources and psychodynamic theory // British Journal of Medical Sexology. 1955. Vol. 20.
15. Money J., Ehrhardt A. Man and Woman, Boy and Girl. Baltimore, Md, 1972.
16. Stoller R.J. Sex and Gender. On the Development of Masculinity and Feminity. N.Y., 1968.

Gender and Queer: Novum Organum of the Russian Social Psychology, or 'Decent' Words for 'Indecent' Things

D. V. VORONTSOV

PhD in Psychology, associate professor at the Department of Social Psychology, Southern Federal University

Despite the extensive development of gender studies in Russian social psychology over the last 20 years and the recent appearance of Russian queer studies, both remain controversial in theoretical and empirical backgrounds. The paradigmatic gap between such concepts as 'sex' and 'gender', 'gender' and 'queer', 'queer' and 'LGBT' has not yet been fully recognized in contemporary social sciences. The article describes the following theoretical and societal reasons of current stagnation in Russian gender and queer studies: first, poor knowledge of the epistemological grounds and history of the concepts employed in the Western discourse; second, the apologetic and non-critical modus of social sciences and underdevelopment of public sociology in Russia; third, conservative tendencies in Russian politics as well as social and cultural isolationism. It is argued that it's essential for gender and queer studies in Russian social psychology to define their attitude towards feminist standpoints and political activism. The article also addresses the issue of the role of methodology in the emergence of public social psychology in Russia that would be capable of promoting progressive development of social and societal actors.

Keywords: *sex, gender, queer, sexuality, public sociology, gender studies, queer studies.*

REFERENCES

1. Bogdanov K.A., Panchenko A.A. GENDER kak GENDER (vmesto predisloviya) // Mifologiya i povsednevnost': Gendernyi podhod v antropologicheskikh disciplinakh. Materialy nauchnoi konferencii. SPb., 2001.
2. Buravoi M. Za publichnuyu sociologiyu // Social'naya politika v sovremennoi Rossii: reformy i povsednevnost'. M., 2008.
3. Buravoi M. Prizhivetsya li "publichnaya sociologiya" v Rossii? // Laboratorium. 2009. № 1.
4. Voroncov D.V. Gendernye issledovaniya v social'noi psihologii: granicy polya // Rossiiskii psihologicheskii zhurnal. 2009. T. 6. № 2.
5. Voroncov D.V. Kvir-teoriya: perspektivy psihologicheskogo analiza seksual'nosti // Voprosy psihologii. 2012. № 2.
6. Klecina I.S. Razvitie gendernykh issledovaniy v psihologii // Obshestvennye nauki i sovremennost'. 2002. № 3.
7. Kostyuchenko E. Moite ruki posle suda. Reportazh s ocherednogo istoricheskogo procesa // Novaya gazeta. 2012. 20 avgusta. Vyp. № 93.
8. Skott Dzh. Gender: poleznaya kategoriya istoricheskogo analiza // Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch. II. Hrestomatiya. Har'kov; SPb., 2001.

9. *Ushakin S.A.* Chelovek roda on: futlyary muzhestvennosti // Pole pola / S.A. Ushakin. Vil'nyus, M., 2007.
10. *Ushakin S.A.* Do i posle gendera. Interv'yu koordinatorsu proekta "Gendernaya demokratiya" fonda imeni Genriha Bellya Irine Kosterinoi 21 iyunya 2012 / Elektronnyi resurs] // Polit.ru. Internet-portal. URL: <http://polit.ru/article/2012/06/21/ushakin/> (data obrasheniya 15.03.2013).
11. *After Sex? On writing since queer theory* / J. Halley, A. Parker (eds.). Durham; L., 2011.
12. *Kessler S.J., McKenna W.* Gender. An Ethnomethodological Approach. Chicago; L., 1978.
13. *Lauretis T., de.* "Habit Changes" // Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies. 1994. Vol. 6.
14. *Money J.* Linguistic resources and psychodynamic theory // British Journal of Medical Sexology. 1955. Vol. 20.
15. *Money J., Ehrhardt A.* Man and Woman, Boy and Girl. Baltimore, Md, 1972.
16. *Stoller R.J.* Sex and Gender. On the Development of Masculinity and Femininity. N.Y., 1968.